
А.М. Сунгурский
Вдовья доля
16+

А.М. Сунгурский

Вдовья доля

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Вдовья доля / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Орёл, 1997 год. После налёта на магазин автозапчастей домой возвращаются трое из четверых. Рите, жене водителя, поручено отвезти вдове долю погибшего. Нина вынимает из хлебницы другой конверт. Муж оставил его ей утром, за несколько часов до ограбления. Женщины пересчитывают купюры по отдельности. Обе суммы сходятся до тысячи рублей.Рита два вечера следила за магазином и знает, что заранее сосчитать выручку было невозможно. Нина умеет делать одну вещь, смысл которой муж так ей и не объяснил: подводить машину правой дверцей точно к ступенькам чужого подъезда. В тот же вечер она впервые едет туда без него. Белые «Жигули» Ритиного мужа уже стоят во дворе.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хлебница 5
Глава 2. На полдверцы 8
Глава 3. Правая полупара 13
Глава 4. Деревянные ноги 17
Глава 5. Чёрный сахар 21
Глава 6. Пуговица с прорезью 25
Глава 7. Пятая ручка 29
Глава 8. Обратная сторона ворот 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

А.М. Сунгурский
Вдовья доля

Глава 1. Хлебница

Вдова встретила Риту на табуретке. На полу между табуреткой и зеркалом стояло мелкое белое блюдо, и на нём лежала отрезанная коса. Ножницы она не выпустила. Дверь с лестницы была открыта настежь.

— Заходи, — сказала Нина. — А то сейчас подумают, что меня стригут, и запишутся.

Сухие концы волос упали ей на лицо. Справа осталось длиннее, чем слева. Рита шагнула на кухню. Рука сама потянулась подровнять кончики. Нина немножко отодвинулась. Табуретка под ней качнулась. Нина спрыгнула сама и краем шерстяного носка задела блюдо. Оно звякнуло о ножку табуретки.

— Тебе уже сказали, — произнесла Рита.

— Я в пальто стояла, когда сказали. Смотришь на меня и видишь, что я уже переоделась. Вот сколько времени вы ехали.

Рита ехала на двух троллейбусах, а в промежутке шла, прижимая сумку к левому боку. Кожу сумки она на прошлой неделе сама подкрашивала, и тёмный след, который остался на её светлой куртке, обнаружился теперь под кухонной лампой. Она потёрла пятно большим пальцем и размазала краску.

Паша подогнал белые «Жигули» к окошку мастерской и не заглушил мотор. Рита с первого взгляда заметила, что с задней полки исчезла собачка с качающейся головой. Вместо неё на повороте скользила правая мужская туфля. На носке мелькнули две медные шпильки. Так крепил подмётки Семён Костин, у которого Рита ещё девчонкой выучилась чинить обувь. Рита обошла машину, чтобы заглянуть внутрь. Паша опустил стекло и сунул ей конверт. Назвал сумму, потом сказал, что в магазине стреляли. Гришу оставили там. На Ритин вопрос, вызвали ли скорую, ответил чудно:

— Скорая уже была. Нашу дверь потом всю дорогу рукой держал, не закрывается.

Говорил он, глядя на застёжку её рабочей куртки. Ни разу глаз не поднял.

— Езжай к Нинке. Её это. Гришина доля. Я бы сам, но машина…

Рита не стала спрашивать, куда ему нужна машина. Теперь жалела.

На кухне пахло варёной картошкой, а под столом громко тикало. Нина отодвинула ногой блюдо с косой и достала будильник. Дужка у него была обмотана лейкопластырем.

— Я его на линолеум поставила. На столе как будто кто-то гвозди колотит. Чего ты стоишь?

— Сесть хочу. А табуретка одна.

Табуреток было четыре. Просто на ближайшей к дверям Гриша всегда сидел сам, а теперь Рита не знала, можно ли её занять. Нина села на подоконник. Рита подвинула табурет к самой двери, чтобы не пришлось вставать, когда придут. Открытая лестница в темноте шуршала и жила.

— Паша дал, — сказала она.

Она собиралась подвинуть конверт к Нине потихоньку, чтобы та сама его заметила. Вышло, будто она с размаху припечатала к клеёнке какую-то мошку. Нина не вздрогнула.

— И как он это назвал?

— Твоя доля.

— Ох. Он так прямо и сказал?

— Сказал, что Гришина. Значит, твоя.

— А тебе поручил прибавить «значит»?

Нина соскочила с подоконника, подошла к двери в прихожей и наконец захлопнула. Повернула верхнюю ручку. Нижний замок оставила в покое. Рита сидела спиной к прихожей и слышала каждый щелчок. Приехали бы они с Пашей вдвоём, он бы уже расстёгивал ворот рубахи, будто самое важное в доме — температура, а Рита говорила бы, чтобы он не простудился. Вдруг захотелось его сюда, даже такого.

— Ты думаешь, сколько стоит человека убить? — спросила Нина, возвращаясь. — Вот если прямо стоять на кухне и деньги вперёд положить.

— Я думаю, у тебя есть сейчас хоть кто-то рядом или нет. Мать где?

— Да брось. Ответить стыдно, так и скажи.

— Стыдно.

Они поглядели друг на друга. Нина опустила наконец острые концы ножниц. Похоже, хоть на один вопрос Рита ответила как надо.

— Мать из дома не дойдёт. Она в мае шейку бедра сломала. Я сама ей скажу. Только не сегодня.

Она убрала ножницы в ящик и села за стол. У хлебницы отломалась дверца, и Нина отвела её руками, придерживая снизу. Между половиной батона и сухарём в два слоя бумаги лежал конверт. Нина принесла его к столу вместе с сухарём, убежавшим в складку бумаги. У Риты конверт был жёлтый, из упаковочной бумаги с неровным краем. Этот — белый, из почтового отделения, однажды уже надписанный и вывернутый наизнанку.

— В восемь с четвертью, до открытия вашего драгоценного магазина, — сказала Нина. — Я в это самое время руки мыла. Гриша говорит: «Если будешь хлеб резать, сперва вынь, а то разрежешь». Я ещё ответила: «Скотина ты, Гриня, ножи у меня тупые, ими даже деньги не порежешь».

Она потянула с конверта обвязанную вокруг нитку. От узелка остался белый след у неё на пальце.

— Считать станешь? — спросила Нина.

— Это его деньги. Чего ж мне их считать?

— Потому что я с утра уже трижды считала. Попробуй чужими руками. Вдруг их больше станет.

Сверху в белом конверте лежали крупные, гладкие, выгнутые по длине, как если бы побывали под ножкой. Тысячные внизу были мягче лоскутов, какие Рита подкладывала под молоток, чтобы не искалечить пряжку. Она разложила купюры, мельком приглядевшись к двум надорванным, сложила в уме.

— Миллион восемьсот сорок три тысячи.

— Письменно умеешь?

— Я не обсчиталась.

Нина подстелила под пересчитанную пачку белую бумагу. Теперь попросила жёлтый конверт. Рита хотела сказать, что в нём столько же. Цифру называл Паша. Ей почему-то понадобилось ещё несколько минут до того, как названное им и лежавшее в хлебнице сравняется. Она прислушивалась, как шепчет Нина. Нина приподнимала край каждой бумажки, будто заглядывала на следующую страницу.

— У меня миллион восемьсот тридцать три, — сказала Нина.

Рита заглянула ей под руку. Две десятитысячные пристали друг к другу короткими краями. Она провела ногтем, разлепила.

— Теперь так же, — сказала она.

Нина поднесла слипавшиеся уголки к свету. На одном осталась жёсткая блестящая полоска.

— Варенье, что ли.

Пока Нина разглядывала купюры, Рита вцепилась обеими руками в края клеёнки. Ей тоже хотелось, чтобы не сошлось хоть на десятку.

— С какой стати он это знал утром? — спросила Нина. — Ты хоть скажи, во сколько они собрались.

— Вечером. Они за пятничной выручкой в «Поворот» пошли. А она до самого закрытия менялась. Я два дня против входа сидела, смотрела, когда приходят с накладными. В половине седьмого там могли ещё три покрышки купить, а могли взять два золотника. Я сама ему это сказала.

— Кому?

— Мужу своему.

Нина сдула со стола крошку. Рита успела подставить под неё ладонь. Они обе увидели этот дурацкий жест. Нина вдруг почти легла на стол, уткнулась лицом в рукав. Звука не было, и Рита, зная, что это всего хуже, примостилась рядом на краю её табуретки. Попыталась обнять. Нина оттолкнула её всем плечом, но головы не подняла.

— Закрой сперва, — попросила она.

— Что закрыть?

— Хлеб. Он сохнет.

Рита вставила жестяную дверцу в нижние пазы, покачала, пока не села. При этом можно было смотреть в окно и видеть отражённую кухню. Нина по обе стороны от себя расставила деньги, словно боялась смешать их сгоряча. Между пачками осталась вмятина от локтя.

Когда она повернулась, Нина уже сидела прямо и запихивала ноги в ботинки, не расшнуровывая. Из прихожей взяла Гришину старую тужурку. Длинные рукава подвернула.

— Машину водишь? — спросила она Риту.

— Плохо.

— Это-то и я умею. А двигатель с толкача?

— Тебе куда?

— Муж меня две недели учил подъезжать к одному дому. По пять раз за вечер. Ни раньше не тормози, ни позже. Хоть ты там роди на этом асфальте. Теперь некому показать, что выучилась.

— На чём поедешь?

— Гришина у подъезда. Теперь ключи у меня.

Нина сунула белый конверт за пазуху, жёлтый оставила на столе. Рита подумала, забыла ли она его, и протянула руку.

— Так и оставь, — сказала Нина. — Вдруг зайдут. Пусть полюбуются, сколько стоит у нас один покойник по вечерним расценкам.

— Я с чужими деньгами дверь не оставляю.

— Ключ тебе дать?

— Газ сперва выключи под картошкой.

Синеватый язычок, которого при зажжённой лампе почти не было видно, исчез. Нина подала Рите ключ. Сама взяла деревянные ложки из кувшина у окна, выложила на стол и сунула жёлтый конверт в кувшин. Рита могла бы не смотреть. Но она смотрела.

Глава 2. На полдверцы

От Гришиной машины пахло грушами. Нина продала ящик груш на прошлой неделе, ящик вынула, а одну проклятую падалицу искала по всему салону дня три. Днём в машине становилось тепло, и вонь поднималась такая, что будто в ней делали повидло. Сегодня впервые запах показался приятным. Нина сунула ладонь между сиденьем и боковиной и тут же нащупала грушу. Не глядя выбросила её на газон. В траве что-то коротко хрустнуло.

— Чего стоишь? Не видишь дверцу?

Рита ждала у правой дверцы. Сумка висела у неё на согнутой руке так, будто Нина подобрала попутчицу на приём к зубному врачу.

— А ты открой, я и сяду.

Нина потянулась через сиденье и вытянула пимпочку замка.

— Ко мне надо ключом, а к тебе придётся рукой. Изнутри. В который раз…

Она осеклась. Не в который раз говорила Рите, а в первый. Это Гриша каждый раз напоминал, что купить надо новую личинку, и ездил за ней, и умудрялся приезжать с поездки с чем угодно другим — зимой попалась ему изумительная по тем временам вещь, китайский термос невиданно малого размера. Термос стоял на кухне, сроду не ездив с ними ни в какую поездку.

— Ботинки застегни, — сказала Рита. — А то шнурок под педаль загонишь.

Нина сдёрнула ботинки, закинула их за своё сиденье и выжала сцепление ногой в шерстяном носке. Холодно. Рита села и захлопнула за собой дверцу. Из дверцы на колени ей выпала пластмассовая ручка стеклоподъёмника.

— Сунь в карман. Боковый.

Ручка исчезла. Нина завела двигатель. Соседка Валька со второго этажа — редкой красоты женщина, похудевшая после рождения четвёртого, — смотрела сверху на машину. Она прижимала ребёнка к груди. Из-под пелёнки торчал маленький кулак. Валя на мгновение развернула его к Нине, заставила помахать. Она ещё ничего не знала.

На первом повороте Нина успела сбросить газ раньше, чем Рита втянула воздух. После этого стало легче. Поначалу ей казалось, что Гриша умел вести и разговаривать в одно время по какой-то серьёзной причине — больше видел или меньше боялся. Нет. Достаточно было раза три самому хорошо попасть в нужное место ногой, чтобы страх немного расступился и в него влезло слово.

— Я вчера сказала, что уйду от него.

— Что?

— Ты хотела узнать, есть ли у меня кто живой рядом. Я вчера сказала, что уйду от него к Новому году. Обои доклею и уйду. Он всё смеялся, что мне квартиру жалко бросать недоделанной.

— Могла и не рассказывать.

— Это просто. Ты послушала и вслух будешь знать. Больше никто никогда не узнает.

Нина поступала нечестно. На Риту это было похоже — нести в сумке то, что ей сунул муж, а потом ещё то, что подарила чужая. По-настоящему Нина хотела, чтобы хоть кто-нибудь спросил, так чего же она сегодня прыгала перед зеркалом с ножницами и зачем теперь везёт машину, если ещё вчера всё в жизни было решено. Чтобы можно было пояснить: коса эта была слишком тяжела. Просто шея заболела. Уйти и желать, чтобы он зашёл последним и вечно живым в прихожую, надел её правую перчатку и сказал: «Гляди, подходит», вполне можно было одновременно.

Попали за грузовую машину. Кусок брезента с кузова при каждом вздохе ветра вздымался и ложился. Гришина машина, тёмная от пыли зелёная «шестёрка», на пониженной передаче тряслась. Нина пропустила съезд в переулок и проехала ещё квартал.

— Ты двор-то не проскочила? — осторожно спросила Рита.

— Дальше заедем, чтобы вернуться. Только, чур, не хватай меня за руки, как Гриша.

— А он хватал?

— Раз рычаг показать хотел, локтем мне в скулу заехал. Сам больше напугался.

Нина свернула за грузовиком. Там кончилась улица с жилыми фасадами и начались ряды заборов, между которыми стоял один пятиэтажный дом. На первом этаже в кухонном окне женщина трясла над кастрюлей перевёрнутую банку. По стеклу, как по экрану, поворачивался и шёл обратно тёплый жёлтый свет. Ещё три дня назад, в последний урок, Нина, чтобы не смотреть на собственные руки, определила: у женщины есть муж, который ест у самого окна, есть дети, которые хватают дольки яблока с разделочной доски, прежде чем та уберёт их в миску. Она поселила в кухне целую семью, никогда не видев ни одного лица.

У второго подъезда место было занято мотоциклом с коляской. Нина объехала и поставила машину дальше, колёсами к кустам.

— К которому подъезжать учили? — спросила Рита.

— Вон деревянная рама оперта на лавочку. У этого. Сказал сперва прямо, потом задом в карман, чтобы правой дверцей к ступеням. А ты послушай, как хорошо без него у меня получается.

— Ты мне показала, что умеешь приехать ко двору. Я и так видела.

— Ходьбу тоже проверишь?

Они сидели без света. Сумерки давно стали твёрдой теменью, хотя сверху над крышами ещё угадывалась полоса. Обе слышали громкую перебранку в подвале. Что-то упало, что-то там перебрали с металлическим шарканьем и стихли. Потом на улице показался коренастый человек в свитере с белой полосой. Стёкла очков у него были такими толстыми, что в них всякий раз зажигались разные окна. В руках он нёс деревянную оконную раму.

— Правую держи! — крикнули снизу.

— Правую чего? Теперь обе правые! — отозвался он.

Нина сунула ноги в расшнурованные ботинки и выскочила помочь. Ей надо было с чего-то начать. Не спрашивать же у незнакомого прямо во дворе: «Кого здесь ждал мой муж?» А с рамой в руках есть о чём потолковать. Мужик в очках дал ей ухватиться за перекладину, и вдвоём они подняли раму к лавочке. Следом из подвала показалась старуха в горчичном зимнем пальто и с чулком вместо повязки на голове.

— Облокотить на стенку? — спросила Нина.

— Тут мужик-то найдётся на вторую раму? — близорукий сощурился в сторону машины.

— Да мы с подругой поднимем. Командуйте. Рит, иди сюда!

Они поставили одну раму на другую. На нижней вместо стекла оставалась тонкая бородка жёсткой замазки. Старуха провела по ней спичкой. Нине показалось, будет поджигать. Нет, она просто выбила оттуда маленького жука. Он вывалился ей на палец, и она сдула его со своего пути.

— Кому их? — спросила Рита.

— Кому надо, тому и есть, — ответила старуха. — Этот на верхние стёкла пенсию положил. А нижние умные люди завтра придут даром возьмут.

— К вам на зелёных «Жигулях» приезжал мужчина с женщиной, — сказала Нина, чуть не насмешив себя. — Женщина — я. Вот меня-то уж точно можете видеть. А мужчину ещё раньше одного не помните?

Старуха подняла на неё близко посаженные светлые глаза.

— Так это вы мне каждый вечер к окну задом? Мне потом говорят — у тебя нынче в доме автомобиль проживает. А у меня даже зятя нет.

— Ругали вы его?

— Чего ругать? Он останавливался, где просили, чтобы в форточку не коптило. Вежливый парень. Тебя-то что, в темноте стригли?

Нина прикрыла ладонью неровно обрезанные волосы. Тут Рита, осматривавшая вытертое место на перилах, вдруг сказала:

— Дома нету кого-то. Сколько вечеров он приезжал?

— Да вон Петька всё знает, — сказала старуха. — Он у меня вместо радио. Ты спроси, сколько раз в одном кресле старую занавеску из окна бросали, и сколько раз у соседа семена из чашки сдуло.

Петька в очках изобразил свист, умея это делать почти беззвучно.

— В прошлое воскресенье приезжал. С Семёном спорили. Я раму нёс, а они стояли в дверях. Семён мне рукой придержал, а этот отпустил. Вот всё и навернулось.

Рита посмотрела на него.

— С каким Семёном?

— Вот с таким, — ответил Петька и приподнял ладонь почти до плеча. — Больших я от мелких ещё отличаю. Сапожник. Опять несколько туфель по дороге растерял. В сумке тащил, а нести не умеет. Моя же мать пальто в сумку прятала не хуже министерского сейфа.

Старуха обдумывала, стоит ли ей обижаться. Рита тронула Нину за рукав.

— Ты видела Семёна?

— Видела, когда ты набойки с меня брала. Подобрал другую цену, чтоб я потом к вам вернулась. А что?

— Он мне за полтора месяца место обещал освободить. Сам себе говорил по ночам, что никак не может расстаться; мне говорил, что с августа будет новый хозяин. Потом с сентября. У меня на нынешней вывеске половина букв на честном слове.

— Ты хотела купить его мастерскую? — спросила Нина.

— Это Паша тебе сказал?

— Ты сейчас сама сказала.

Рита потянула её за собой. Толкнула обитую клеёнкой дверь подъезда; та неохотно сдалась. Первые ступеньки были при свете, дальше свет забирали тёмные почтовые ящики над поворотом. Нина не знала, зачем они идут внутрь. Сапожник к жильцам никоим образом не приписан. Рита сунула ладонь между дверью и косяком и подёргала стекло в верхней вставке. Потом присела, глядя на порог. Он был составлен из двух широких железных уголков, прибитых несильно; сбоку один поднялся, оставив щель, куда могла угодить подошва. Где заканчивается ржавая полоса и начинается засохшая земля, Нина не различала. Но вертикальную царапину на голубой краске заметила. Узкая. На высоте её бедра. Внизу ещё одна, двойная.

— Тебя куда он подводил? — спросила Рита. — Вылезь на улицу и пальцем покажи.

Нина произнесла первое, что пришло в голову:

— Вот к этому месту. На полдверцы.

— Что значит полдверцы?

— Чтоб открылась правая наполовину, а другая машина сзади могла проехать. «Смотри, Нюра, на полдверцы ближе».

Она произнесла его голосом, и в ответ откуда-то из глубины лестницы донёсся стук. Кто-то ударил твёрдым предметом разок, потом ещё и, вероятно случайно, задел перила. По железу прокатился щелчок. Рита дёрнулась было подняться. Нина загородила ей дорогу. От человека, которому можно было незаметно войти в своё жильё, этот женский допрос не убежит. Она хотела чуть подождать.

— Я в первой квартире живу, — сказала женщина сверху, с дальней площадки. — Можете сами рассчитать, сколько вам до меня ещё топать, прежде чем постучаться.

— Мы до вас не собирались, — сказала Рита.

— Тогда только за вами закрыть?

Показалась круглая рука, другая взялась за перила. Женщина спустилась наперёд боком, удерживая перед собой серый мешок и прикрывая собой его горловину. В свете оказались ведро, свёрнутое байковое одеяло и большая клеёнчатая сумка. Женщине было не больше сорока, но шла она, вполне можно сказать, за двоих. Остановилась перед двумя и кивнула Нине.

— Простите, я сейчас не останусь разговаривать. А вы всё съели?

— В каком смысле?

— Я Григорию горчичную капусту давала. Банка у меня из-под сахара. Мать вообразила, что в ней сахар дольше хранится, чем в остальных. Всё ходит, спрашивает.

Живой обыкновенный человек знал Гришу, называл его Григорием и спрашивал про посуду, которую можно было бы ей запросто отдать, если бы повернуть ключ и увидеть полки своего шкафа целиком. Нина вдруг вспомнила Гришу с банкой на коленях, как он вылавливал оттуда длинные капустные ломти голыми пальцами, пока она ругалась, чтобы не лил рассол на обивку.

— Он умер, — сказала Нина.

Женщина выпрямилась. Ведро столкнулось с решёткой перил, и она немедленно перестала на них облокачиваться.

— Я вам банку привезу, — сказала Нина, и это было самым страшным, что она сказала за вечер.

Та перевела взгляд на Риту, потом на закрывшуюся за ними дверь. У её левой сандалии ремешок едва заходил за пятку. Рита тоже туда глядела.

— Кто сказал, что умер?

— Ваша капуста была с укропом. Я Нина, жена. Вы сейчас мимо нас пойдёте или ещё поговорим?

— Я эту банку вам дарю, — ответила женщина.

Убрала левую руку с перил, перегородившую узкую дорогу, и прошла мимо, зацепив ведром карман Ритиной куртки. Дверь было ударилась снаружи, но Рита придержала её ладонью.

— Я её где-то видела, — сказала она.

— Я тоже. Здесь только что.

— Шутить тебе в самый раз.

— Ты мне назначь время, когда попроще будет.

Нина вышла на улицу. Их женщина шла прямо по проезду. Мешок и ведро её в темноте исчезли, виднелись только светлые волосы; с козырька на плечо Рите упала холодная капля. Нина увидела, как знакомый автомобиль, стоявший за мотоциклом, чуть подался назад. Паша не заметил её: у него в салоне горел свет. Стриженый затылок выглядел совершенно беззащитным, когда он поворачивался, чтоб пропустить женщину с ведром. Она обошла машину.

Рита тоже увидела. Уже подняла ладонь и, вспомнив, что он не мог случайно за ними сюда приехать, прижала пальцы ко рту.

Нина вытащила у неё из кармана выпавшую ручку от стекла.

— Не бросайся к нему. Становись сюда.

Они встали плечом к плечу в густой тени у стены. Нина поднесла ручку ко рту и крутанула, будто закрывала себе рот, как стекло в дверце. Рита вдруг выдохнула короткий смешок. Паша оскалился сам с собой, присел к ветровому стеклу, отъехал. Не увидел, как они остались.

— Обещала у меня ночевать? — спросила Нина.

— Да, когда звонила перед дорогой. Он нашёл бы мою куртку у тебя, если б догадался пойти домой.

— У нас всегда можно положить куртку без тебя.

— А почему он так хорошо знает, к какому подъезду ты приедешь?

Здесь-то настоящая дорога и кончилась. До сих пор Нина ехала туда, куда выучилась ездить за две недели вечеров; было несколько поворотов и привычная до боли остановка на полдверцы от порога. Дальше предстояло придумать самой. Она смотрела вслед мужу Риты и старалась вспомнить, какая из их банок из-под сахара. Ничего ей не дарили. Она принесёт.

Глава 3. Правая полупара

Ночью Риту разбудила капля. Она съезжала с крана на эмаль с таким отчётливым металлическим колоканьем, что вода представлялась тяжёлой, как ртуть. Рита потянулась за ночной рубашкой, висевшей у них дома поперёк спинки стула, и взяла рукой голую стену. Глаза открылись. Она лежала у Нины на раскладушке, узкой и неудобной, как магазинный прилавок, а на кухне действительно протёк кран. За первой каплей повисла вторая.

— Клади тряпку, — отозвалась Нина из своей комнаты.

Было ещё даже не утро. Рита смотала выстиранную мочалку, подсунула под струю. Будильник, спасённый из-под стола, где-то шелестел. После поездки у Нины от холода заболели пальцы; Рита растирала ей ступни и удивлялась детскому сходству всех ног с мокрыми, недавно распаренными подошвами. Рита даже ножницы достала, чтобы подровнять ей стрижку. Вдова легла спать, завернувшись в старую мужнину рубашку, будто страшилась рассыпать торчащие из коротких волос мелкие иголочки.

Возле тужурки висело Гришино выходное пальто с двумя клапанами. Из-под одного торчал хвост упаковочного шпагата. Рита хотела заправить и одёрнула руку. Хватит с неё чужих карманов.

Телефон стоял на полу, потому что на столике в углу Нина разводила рассаду. Рита на цыпочках добралась до телефона и набрала номер мужа. В трубке было тихо. Она тряхнула трубку, понажимала на рычаг и только тут увидела: телефонная вилка вынута из розетки. Нина хотела выспаться.

Нина стояла в дверях с одеялом на плече.

— Сама позвоню милиции, когда надо. Никто мне сегодня больше не позвонит. Мать?

— Муж.

— Пошли тогда.

— Куда?

— Домой к тебе. Узнаешь, спросит ли, как спала. Я на лестнице постою. Вы оба любите свидетелей за порог выставлять.

Посреди ночи Нина рассуждала так ясно, будто уже умылась и позавтракала. А колени у неё дрожали. Она переступила босыми ногами, и впервые за весь вечер Рита увидела: надо подхватить, сейчас упадёт.

— Постой сначала у меня на плече.

Нина разрешила. Они дотопали на кухню и добрались до стола. Сразу стало видно, что женщине просто надо поесть. На плите стояла картошка, которую так и не пришлось вчера попробовать. Рита поставила сковороду на огонь и нарезала клубни кружками. Захотелось соли. Нашлась дырявая солонка в виде какого-то военного деятеля с дырочками на погонах. Нина шевельнулась:

— Он мокнет, если с него прямо над сковородкой сыпать. Сыпь в руку.

— Прежнее место найдёшь? Скопилось у вас тут народу.

— Семь предметов. Шесть Адмиралов и один Генералиссимус. Последнего Гриша разбил и промеж адмиралов Лермонтова поставил, покупал нарочно. Лермонтов тоже в погонах. Не стыдись, у нас почти все в еде.

Ели прямо со сковороды. Нина взяла два поджаристых кружка, которые Рита отгребла к ней, а третий ловко стащила из-под Ритиной вилки. Так воровал сахар со стола маленький Денис, сын Ритиной сестры. Честно предложенный кусок он мог вовсе не взять, а краденый хрустел у него на зубах — одно удовольствие слушать.

— Я у себя сейчас из чёрного подберу, тебе идёт строгое, к белой рубашке. Подстричь бы затылок, а то сзади машинкам будешь зубцы продавать.

— А ты так и останешься в прыщах от клея? От девочек у тебя на руках ни кусочка.

— Я девочкой и была всё в этих прыщах. У нас в доме висела на стене собачья щётка. Отец называл её доктор. Я протягивала руку, и он объявлял, что сейчас придёт доктор. Кровь пустит. Тогда у меня разом переставало чесаться.

— Меня Гриша первый из всех людей умел не трогать, когда чешусь. Вот это напишите ему на памятнике.

От этих слов Рита не застыла с вилкой в руке и не стала оглядываться на прихожую; время для таких разоблачений пришло в обеих настолько естественно, как если бы печаль давно ждала, чтобы их накормили и дали ей внятно выговориться. За окном небо не светлело. Нина вынула из своего шкафа самую праздничную чистую простыню с салатово-зелёным краем и бросила её на раскладушку.

— Выбирай. Лечь дома или у меня. Только скажи, зачем возвращаешься, если пойдёшь.

— Проверить одну туфлю хочу.

— У твоего мужа столько женщин мимо прошли, что принесённая обувка о человеке тебе больше ничего не расскажет.

— Она мужская и правая. Пойди ложись.

***

Заднее стекло у Паши утром было опущено на палец. В машине сидел человек и спал с раскрытым ртом. Голова у него откинулась так, что виднелось нёбо и маленький блестящий отросток. Рита присела. Снизу через стекло человек был мало похож на её мужа, но это был Паша. У виска прилипли надломленные табачные листики. На шее, где кожа мягче, парикмахер оставил ему косую полоску коротких жёстких волос. Он не успел её сбрить.

Рита вставила в дверь свой ключ. Паша проснулся раньше, чем она успела провернуть.

— Ну чего? — выдавил он. Весь затылок кроме полоски от подголовника у него был красный.

— Домой доехал. Как трамвай. Чего же не вылез?

— Стерегу. Ходуном у нас двор по ночам ходит.

— У Нинки во дворе чего сторожил?

Он сел ровнее. Две руки его жили каждая в свою сторону — левая тёрла лицо, разгоняя по нему кровь и остатки сна, а правая полезла к рычагу под сиденьем, дёрнула его и подвинула всё сиденье назад. Паша спал, не откинув спинки, вытянув ноги под самые педали. Рита различила на подошве одного ботинка засохлую белую жвачку, и в голове успело родиться домашнее замечание, чтобы он посмотрел, какая дрянь у него на ноге. Она промолчала. Обычные слова так и лезли на защиту людей.

— Это вроде не у Нинки вы были, — произнёс он.

— Верно. Значит, видел.

— Вчера у магазина Семён показался. Говорит, за Гришей приехал, а машину не взял. Вот и думаю, как бы тебя туда не занесло. Я в том дворе Гришу с Семёном подбирал раньше. Ещё давненько.

— Почему ты возле мастерской не сказал мне, что там был Семён?

— Мало ли кто заходит в «Поворот»? Он же там был случайно. Сегодня суббота, загляни к нему сама. Мне бы с Валерой договориться про похороны.

— Я тебя спрашиваю, Паш. Зачем ты к дому ездил?

— У Семёна спроси, раз он сегодня работает. Только ты на часы свои погляди. Мы всю ночь не спали, у тебя глаза красные. У меня из них песок сыплется.

Он взял её кисть снизу, осторожно освободил ручку и открыл дверцу. Рита отступила. Паша выбрался наружу, оставив на обивке две мелкие табачные крошки.

— Дай сзади. Туфлю вчера положил куда?

— Отвёз.

— Мне нужен был образец.

— Вы теперь по нашей туфле образцы снимаете?

Он смешно посмотрел на неё при слове «нашей». За чужое добро он отвечал по-хозяйски, зато собственного мог не хватиться. Рита распахнула заднюю дверь. На полке, где стояла собачка и где ещё вчера ехала правая мужская туфля, остались две белёсые песчинки. Она провела по ним пальцем. Мелкие, тяжёлые. От строительного раствора.

— Обошёл ты дом с парадного, — сказала она. — И кого надеялся там увидать? Паш, двенадцать лет из-за тебя мне никого не надо было бояться. Даже если сам ни черта не мог сделать, хоть было у кого спросить, как дальше поступим.

Он потрогал средним пальцем табак, прилипший к виску. Потряс кистью, от прилепившегося листика не отделался. Поднёс руку Рите. Она автоматически сняла листик и растёрла между пальцами. Сколько лет она будет совершать всякие такие телодвижения, даже если больше не закроет за ним ни одной двери.

— Давай сядем оба, — попросил он. — Замок щёлкнет, никто к нам не подойдёт.

— Мне надо стоя послушать.

— Нина за убыток с тебя спросила?

— Нет. Нина мне сказала, что вы ей дали точно такие деньги, какие Гриша дал ей ещё до работы.

Паша никак не выказал удивления. Тронул замки, прошёл вокруг машины и вернулся с того же места, будто прятался за её узким кузовом и подглядывал оттуда за Ритой.

— Мои пересчитали? Или я цифру тебе уже называл?

— Посмотри на меня. Не маленький. Тут у нас двое, я пойму, кому ты говоришь.

Паша поднял глаза.

— Раз отнесла, Нина их и получит. Говорю тебе: столько, сколько я через тебя прислал. Это её.

— Там в обоих по миллиону восемьсот сорок три. Просто так, с неба две одинаковые суммы свалились. Ты это тоже знал?

— Не знал, что Гриша свои дома оставил. Думал, распорядился ими по-другому. Больше с меня нечего брать, Рит. Всё, что привёз, тебе отдал.

Сошёл бы хоть один человек с лестницы. Столкнулся бы с ними, сказал что-нибудь. Сколько времени они уже разговаривают на самом ходу во дворе под окнами? Дворник веником не прошуршит, соседский пёс не выскочит. Было совершенно пусто.

— Ты его видел мёртвым?

Вот чего Рита не спросила вечером. Он ответил не сразу, и Рита успела с невозможной, вырвавшейся из старого кино надеждой представить, как ещё там что-то можно было изменить.

— Да. Видел. Кровь на рубашке. Сидел, будто ждёт, пока к нему подойдут, а там уже нет никого, голову у него держать некому. Ходил я в одну сторону, а после всю остальную жизнь буду в другую ходить. Не ездил он в больницу.

— Кто подтвердил?

— Скорая приехала. Я из переулка видел, как снимали пустые носилки. Кто сообщил Нинке, знаешь?

— Нет.

— Тимофей. Попросился к жильцам в магазинном доме позвонить. Им там всем этот Плоткин свой. Половине города помог с мотором, половину на вокзал подвозил. Они его не выставят. И мне тоже следовало к ней сходить, а я решил тебя послать. Не жалею. Ты лучше меня у людей в счёт идёшь.

— Не у всех.

Рита сунула руку под переднее сиденье справа. Паша откинул дверь шире, потому что видел, как у неё пальто попало под нижнюю кромку. Под сиденьем нашлись пластмассовый стакан, заводская бумажка с перечнем запчастей и собака с оторванной шеей. Пружина, на которой она кивала, высунулась острым клювом. Рита забрала игрушку. Эту собаку они нашли семь лет тому в только что купленной машине, из прошлой жизни белых «Жигулей» она переехала в их собственную. С первого же дня Денис, тогда ещё грудной и весь состоявший из ладошек, хватал её за нос, и от кивка у ребёнка лились по щекам слёзы восторга.

— Я починю.

— У меня она хоть в машине сломалась, а у тебя опять будет в серванте в целости стоять.

— Дай хоть зверю шею поправить. Ты же её так и оставишь свёрнутой, пока я не возьмусь.

Зря сказала. У него отец повесился, когда Паше было семнадцать, и выражения про шею в доме они употребляли с осторожностью, даже когда спорили про куриный суп. Она сама испугалась своего голоса. Паша сунул под капот руку, будто собрался проверять масло, и закрыл крышку, так ничего и не сделав.

— Ты домой-то зайдёшь?

— Воду выпью. Переоденусь. Пойду в работу. Там мне тоже должны.

— Я тебя довезу.

— Если не уснёшь, как в первый раз за рулём.

Это уже была домашняя шутка, лёгкая, как щелчок по лбу. Паша улыбнулся. Рита рассердилась, сама на себя, потому что всё-таки умела его пожалеть, и очень хотела опередить это дело своим упрёком, чтобы под ним не краснеть.

Над ними наконец открыли окно. Пожилая женщина в синих заколках высунула руку с надтреснутым зеркальцем и водила им над двором: так она каждый день искала своего выгулянного старика, потому что не могла перегнуться через подоконник. В зеркале зажглось небо; женщина приблизила его к собственным глазам и увидела Риту.

— Риточка! Мой не проходил?

— Михал Михалыч ещё кофе дома пьёт. Вы бы его сперва на кухне поискали!

— Да. Он это может.

Рука скрылась в окне, через мгновение оттуда донеслась громкая перебранка двух совсем ещё живых людей. Паша тряхнул головой. Рита забрала домой собаку, а за чистой курткой пошла одна.

Глава 4. Деревянные ноги

В субботу к Ритиному окошку всегда хватало желающих. За неделю у людей собирались оторванные подошвы, незамеченные в спешке, и нужда выходить куда-нибудь нарядными. В это утро у дверей мастерской их ждала целая семья из троих. Отец с матерью стояли, переминаясь, а мальчик по их команде поднимал то одну ногу, то другую. Мать ловила его за щиколотку и выворачивала подошвой к окошку. Стекло над окошком запотело от дыхания.

— Это деревянную ногу можно крутить как угодно, — сказала Рита. — Садись, мальчик. Маме с папой вон скамейка.

Пока усаживались, отец так ни разу и не заговорил. У него губы посерели от холода и подёргивались. Родителям на двоих едва ли было сорок пять. Мальчик был похож на них обоих сразу и слушал всякое слово, даже если взрослые его не слышали. Рита поставила у него перед носом коробку с колодками. Когда он рассмотрел их, она вынула первую, деревянную, безобразную на вид, с откидным носком.

— Твоей ноге сестра. Надо оставить обе на денёк. Заботиться об их судьбе будешь сам или мама выдаст тебе доверенность?

— У нас других нет, — сказала женщина.

— Так сразу и говорите. Час у тебя? Ставь обе ноги на газету, а я буду делать по одной. Маме, если есть другие хлопоты, придётся расходиться по ним.

— Тут и будем, — сказал отец.

Через полчаса ребёнок стоял раскрасневшийся у верстака в одном носке и в одном почти совершенно исправном башмаке. Рита успела зачистить края, подмазать и прикатать на втором подмётку — не бог весть какая вечная починка, зато парень свободно дошлёпает до дома. Его мать копалась в кошельке. Кошелёк был круглый, в виде собачьей головы с глазами из белых заклёпок. Рита засмотрелась на собачьи уши и пропустила вопрос.

— Мы спросили, сколько. А за оба башмака сколько будет?

Рита записала плату мелом на доске, вычла за материал, который остался у неё со старого заказа. Мать мальчика протянула деньги. Рита уже потянулась за тетрадью, когда за спиной у неё впервые с самого утра звякнул боковой засов. Пришёл Семён.

Семёну Костину недавно исполнилось шестьдесят, а с виду он был тот же, что двадцать лет назад, когда Рита впервые увидела его за этим верстаком. Длинный верх губы, пустые виски при курчавом затылке, уши небольшие, очень чистые, будто мама хозяина каждое утро принимала по ним работу у него самого. Снизу на левом ухе сидел лишний катышек мяса. Первое, чему обучилась в этой мастерской Рита ещё девчонкой, это глядеть куда угодно кроме того уха, пока человек разговаривает. Он сам про своё ухо ничего не хотел знать, и другие не должны были ему о нём напоминать.

— Не спеши ты их обувать, — сказал Семён. — Ты стельку вынула? Вынь, покажи меньшому. Скажу, чем он дома может заниматься вечерами.

Снял с полки другую колодку. На эту натянули кожу и по краям выбили столько мелких гвоздей, что она казалась одета в мурашки.

— У тебя, малой, дома бумага есть? Чиркать разрешают? Вот посмотри, если следующим летом эту пару носить нельзя будет, ты на бумаге две свои ноги нарисуй, мать у тебя подмётки подпишет, год и месяц. Должен же человек собрать всё своё хозяйство за жизнь. Первый зуб не выбрасываете?

— Куда он его дел, мы так и не знаем! — обрадовалась мать.

— Я его под шкаф мышам кинул, — ответил мальчик.

Семён кивнул, соглашаясь с его условиями, и наклонился. Поднял с пола выпавший за его спиной обрывок шпагата и аккуратно затянул им Ритину рабочую штору до половины окна.

Ребёнок встал на две ноги. Обмен денег состоялся. Отец откашлялся, благодаря Риту и дело вообще, и вся семья вышла на улицу, где по-прежнему имело смысл поспорить, пойдёт ли с неба дождь.

— Суббота, — сказал Семён. — Пять минут поправить носок, а ты заводишь армию с колодками. Люди не любят, когда ждут.

— Вот и я не люблю ждать. Продаёшь ты мне место, как мы договаривались?

— А ты почему спрашиваешь в субботу?

— Потому что в апреле говорил мне про август. Потом сказался осенний спрос. Теперь уже вчера соседка по лестнице надела зимнюю шапку, и я тебе в последний раз говорю — либо с тех пор, как уговор был, ты решил оставить меня девочкой у себя, либо обойди все четыре стены, забери своё добро, а я тебе завтра принесу сколько набрала.

— А ты себя тут за эти годы кем считать стала?

— За ту, кто делает твою работу. У кого гвозди с утра звенят, а у кого сердце в полдень не болит.

Семён сел за свой верстак. На столе перед ним висела тяжёлая гибкая лампа, которую он вытирал раз в неделю, а красил ежегодно. Слоёв краски вокруг выключателя набралось столько, что стоило утопить до щелчка указательный палец, и на нём отпечатывалось кольцо. Семён включил лампу и выложил на стол тёмную круглоносую туфлю.

Первым делом она увидела две медные шпильки. Одинаково близко к носку. Между ними шёл рубец от его любимого способа клеить кожу с натяжкой по сырому месту.

— Когда успел взять её у Паши? — спросила Рита.

Он поглядел на неё сквозь часовую лупу, зажатую в глазнице, и глаз у него вдруг сделался огромным.

— Какого Паши?

— Паша тебе её привёз.

— Это ты по двум гвоздям решила?

— Не гримасничай, мы уже видели друг друга в подобном положении. Паша. В белых «Жигулях». И вчера у «Поворота» тоже он тебя видел.

Семён убрал лупу и перевернул туфлю носком к Рите. Возле подъёма разошёлся шов.

— Витька с рынка приносил. Для деда его делаю. Семьдесят два года, на правой ноге три пальца, а на левую опирается ещё хуже. В носок вкладыш ставлю. Не нашёл подходящего, вот и вернул пока одну.

— С Гришей виделись вчера?

— Ты мне деньги считаешь или свидетелей из меня хочешь?

— У него и у Паши вчера оказалось по миллиону восемьсот сорок три тысячи. Заранее сосчитали. Мы с тобой когда свои бумажки считали, помнишь? Мы ещё пятьсот рублей потеряли. Ты уронил их между двух ящиков и не дал мне поднимать, сказал, пусть мастерская сама себе хоть однажды заплатит.

— При чём тут наши бумажки?

За шторкой начинали собираться люди, они увидели только Ритину рыжевато-светлую макушку и жалобно шкрябали в доски окошка. Кто-то принёс башмаки в газете. Сквозь стекло был виден мокрый отпечаток подошвы на бумаге.

— Я у тебя попросила мастерскую, — сказала она. — Думала, твои деньги уйдут на то, что ты себе давно хотел. Сыну квартиру, себе дачу, сотруднице нормальный расчёт. Тогда я понимаю. А если ты даже сейчас договориться не хочешь, возможно, тебе этого места уже и не продать. Из-за него Гришка своей кровью умылся?

Семён слушал, не поднимая головы. Было слышно, как, пока она говорила, он, сначала медленно, потом уверенней орудовал шилом, прокладывая дорогу через надорванную кожу ботинка.

— Какая тебе разница, почему я что делаю, — сказал он. — Если у тебя с утра со мной кончился уговор, это лучше, чем если ты его под вечер расторгнешь. А если надо чужое узнать, спроси прямо. Такой был у меня сын, что я ему квартиры не покупал. На дачу мне за два месяца никто из клиентов не носил картошки. Единственная сотрудница год, как знает, где лежит запасной ключ, и до сих пор сама спустить штору с ровного места не может.

Он оставил шило торчащим в туфле. Свернул газету, которая лежала между ними, в узкую полоску и достал из кармана коробок спичек. Взял спичку, покрутил её в руках. Не закурил, как и всегда. Отвык за пять лет, а добрая привычка занимать пальцы в разговоре осталась.

— Там у магазина была девушка в порванных чулках, — сказал он. — Ты не знаешь, как её зовут?

— Я не знаю, кто где был. Девушка в порванных чулках! Сам ты как туда попал?

— Обыкновенно, через дверь. Да не в магазине я был. Уже по выходе увидел. На коленке у неё вот такой кусок повис. Пока мне наливали воды, она подошла и искала, где телефон у людей попросить. А могла на свою сторону пойти. Как если бы знала, что ей откажут дома. Я ей сказал: тут рядом есть, на углу, а она даже не обернулась. Не услышала. Как про тебя одну говорят, когда не слышишь.

— Я тебя отлично слышу.

Указывая на воображаемое порванное колено, Семён вынул шило и подал Рите туфлю. Она сразу подцепила нитку, как делала с детства, подхватывая его работу на полуслове. За шторой заворочались. Рита наконец открыла окошко. Там уже стояли четверо. Первая женщина держала за голенище снятый полусапожок.

— Здравствуйте. Сегодня ремонтируем хоть что-нибудь?

— Сейчас займусь и вами. Садитесь пока.

***

В обед в мастерскую сунулся молодой парень. Воротник пальто у него был поднят до носа, у горла узкой полоской виднелась ссадина после бритья. Рита открыла окошко. Парень глянул сквозь неё и крикнул в глубь мастерской:

— Семёныч! Тебе велено выйти!

— Не коверкай, у нас Семён Андреевич, — сказала Рита.

— А я тебя не знаю?

— Вот у Семёна Андреевича теперь и спроси.

У входа появилась Нина. В Ритиной чёрной кофте с узкими лацканами, с ровной стрижкой на схематически красивой голове она была похожа на картинку, наклеенную в парикмахерской на зеркало. Она с удовольствием поглядела на двух сильных людей, разговаривавших друг с другом, словно из плохого рупора, и очень спокойно взяла у парня из рук ресторанную салфетку, в которую было завёрнуто что-то небольшое и довольно увесистое.

— Давай, раз пришёл, я передам, — сказала она.

Человек послушно разжал ладонь и двинулся было за ней, прежде чем вспомнил о том, что владеет собственной волей. Нина уже вскинула крышку прохода в окошке и зашла за Ритин верстак. Парень схватил её за лацкан. Кофта хрустнула.

Рита смахнула его пальцы, ударив по ним гибким кожаным ремнём, на котором правили ножи. Ремень щёлкнул, и рука отлетела от Нининой груди. Парень вздыхал, сперва тихо, потом громко, и смотрел на руку, будто её отдали ему дети от другого отца.

— Ты как себя ведёшь, — произнёс он. — Это я ей дал?

— Ты, — кивнула Нина. — Повернись вот сюда, посмотрим воротник. Он у тебя кривит. Ты постыдился бы так к женщине идти.

Семён вышел из подсобки. Увидев его, парень ушёл совершенно бесшумно, что-то сказать хотел уже из самой двери, только жара в него не хватило. Рита положила ремень на гвоздь у верстака. У Нины на кофте выдралась петля, пуговица оставалась пока на месте, но нить из петельной обмётки ползла по всей длине лацкана, как выпущенная из шва рыбья кость.

— Я надеюсь, ты не считаешь, что теперь спасла мне жизнь, — сказала Нина.

— Я отбивала свою выходную вещь. Дальше хоть выброси. Не тебе её вышивать.

Семён развернул салфетку. В ней лежала не запчасть, как ожидала Рита, а коричневая стоптанная кожаная сандалия с застёжкой на пятке. В подошву, застряв между кусков протектора, вошла белая косточка от сливы. С годами она стёрлась вместе с резиной; такой ровной и была дорожка возле большого пальца.

Нина подняла глаза.

— Это же не моя, — сказала она. — Вы её кому-нибудь в спальню поставите, и он страшно, должно быть, обрадуется. Можно я возьму попить?

Сандалию она знала. Рита увидела не по её лицу, а по тому, как Нина подала туфлю не Семёну, протянувшему ладонь, а Рите. Именно такую можно было вспомнить на женщине с ведром, которая приходила вчера к лестнице; не из-за формы и цвета, а из-за короткого, выступающего за пятку ремешка.

— Зачем её тебе принесли? — спросила Рита у Семёна.

— Чтобы починил.

— Одну? Человек с полупарой весь город прошёл. Руки дрались. Я за этот ремешок возьму столько, что от одного угла до другого ты без сдачи не доедешь. Живые люди такого курьера для починки застёжки не ищут.

— Ты небось и по воскресеньям за прилавком стоять станешь, — сказал Семён. — Всё тебе считать.

Он взял сандалию и ушёл с нею в свою кладовую. Коротко треснул шов. Потом Рита услышала шелест бумаги и тихое ругательство.

— Поверим ему? — спросила Нина.

— В одном поверим. Он её ждал.

Глава 5. Чёрный сахар

Мать Нины разговаривала с дочерью при Рите так, как разговаривают в большой примерочной, где занавесок только две, а народу переодевается десятка два. Вполголоса спросила, все ли пуговицы на чёрной кофте на месте, и на всю квартиру зашумела, когда выяснилось, что Нина не привезла с собой тонких тёмных чулок. Из обронённого дочерью «на понедельник» она уже всё поняла. Но хотела, чтобы ей сказали прямо.

— Если уж вы меня к столу сумеете поднять, чего же на кладбище нельзя? — спросила мать.

— Погоди, мам. Про какой стол ты говоришь?

— Люда с Надей всё твердят: «Когда поминать будете, мы тебя к столу посадим». К столу я сама сяду. А с третьего этажа кто снесёт?

— Снесём, — сказала Нина. Сняла с тумбочки коробку и начала выкладывать цветные пластмассовые вешалки. — Ты только скажи, что расслышала меня. Гриша умер вчера вечером.

Мать ещё секунду держала свою улыбку. Рита увидела, как у неё зашёлся правый глаз и стянулась к носу постаревшая коричневая щека. Потом женщину согнуло над одеялом.

— Нин, ногу мне поправь. Опять пятка набок съехала. — Мать подтянула одеяло. — Он в четверг заходил. В коробку загляни, под вешалки.

Вместо платьев на вешалках были мотки пряжи. К каждой вешалке была приколота бирка с образцом пряжи. Это была работа Нининой мамы до болезни, и до сих пор к ней носили распутывать залежавшиеся по шкафам шерстяные клубки; квартиру она занимала угловую, светлую настолько, что даже с малыми глазами осенью тут можно было различать чёрные шерстинки. Рита между розовым и зелёным увидела тёмно-красный моток. В самый раз на шарф мужчине, у которого кожа белая, волосы русые и зимой белеют губы. Она спохватилась и сердито отвернулась. Нельзя с самого утра решать, достаточно ли любишь своего мужа, чтобы не дать ему отправиться другой дорогой, а после обеда уже мысленно завязывать ему шарф.

Нина достала из плоской коробки небольшую жестянку, кое-как завёрнутую в платок. Чёрной икры на старой смятой крышке давным-давно никакой не было, а осталась цена вдоль заводской звёздочки, из такой древней жизни, когда её кто-то за такие деньги ел. Внутри жестянки лежало жидкое и тёмное. Рита принюхалась. Болтушка от кашля? До того не хотелось, чтобы в этой банке опять обнаружилась какая-нибудь тяжёлая память.

— Жжёнка, — сказала мать, вытерла губы уголком одеяла и подняла глаза. — Делал, как отец твой. Брал на ложечку сахар, жёг на газу, лил воду. Я сама не могу стоять. Ты всё бежишь куда-то, потому тебе никогда в жизни ничего не поручали. Так вот, ты оставь себе банку, а жжёнку дай сюда.

— Рита, меня сейчас тошнить будет.

— Потому что вид нехороший, — по-прежнему деловито сказала мать. — А запах? Дух! Я тебе ещё скажу, если надо поплакать, пойди во вторую комнату. Там подушка мягче.

— Меня не от неё тошнит. Где он жёг? Прямо здесь?

— Зубами щёлкать не надо. Он на кухне сидел. Я из этой комнаты всё вижу, если малую створку откроете. Мне положил полотенце на колени, чтобы не холодно было. Хорошо, что ты мне сказала до их прихода, а то из сорочьего базара можно всё узнать, кроме того, что тебе надо.

Нина поставила банку на стул у изголовья и в другой комнате действительно заплакала, но подушки там не требовалось. Она сложилась над гладильной доской и плечом упёрлась в стенку. Было слышно, как шуршит плоская клеёнка под грудью.

— Ты что здесь видишь такое? — спросила мать у Риты.

— Ничего.

— Сядь возле неё, Рит. Там возле гладильной доски одна половица ходит. Качнётся доска — Нина опять больную коленку ушибёт.

— Она стоит. Я сейчас схожу.

— Погоди. Он, бывало, только к дому подъедет, гуднёт мне, дескать, здравствуй. Я сказала: ты ко мне либо поднимайся, либо зятем не называйся. С тех пор и ходил. Вот теперь у меня от него хоть банка осталась.

Мать повертела жестянку и задремала, не выпустив её из рук. Рита подложила подушечку под больную пятку, а жестянку поставила на тумбочку.

В соседней комнате Нина стояла там же, где была, развесив перед собой на леске полупрозрачный платок. Платок заслонял глаза. От этого становилось совсем прямо и страшно смотреть на её рот. Губы были приоткрыты. Она дышала так, будто остановилась на бегу за живым человеком в толпе, где сейчас утонет последняя возможность его окликнуть.

— Ниночка. Он хоть тебя одну любил, как положено между людьми. Откуда бы иначе взялся у него этот чёрный сахар.

— Чтоб ты знала, — сказала Нина через платок, — мне его по четвергам никогда и не доставалось. Он мне говорил, что теряет день из-за новой машины, а шёл сюда ещё с прошлого ноября. Они уже десять раз превращали нашу старую кастрюлю в одну большую жжёную подмётку. Мать ни разу не сказала. Это я теперь узнаю, как он сам жил без меня.

Рита отогнула платок и придержала пальцами у неё над головой.

— Я в мастерскую влюбилась раньше, чем в Пашу. Там моя станина, мой фартук, мои колодки. Даже ложка, которой суп ем, моя. Ни за чьим столом мне так не было хорошо. А место — Семёново. Вот я и хотела, чтобы муж с этой последней работы принёс мне столько, сколько недостаёт для покупки. Всё знала, Нина. Деньги брать собралась.

— На что же они рассчитывали? Что человек поедет за покупками в магазин запчастей после работы?

— Именно. Накануне выходных в торговле больше. Два вечера я считала, сколько народу заносит товар обратно, кто опаздывает на разгрузку, когда нижнюю защёлку у задней двери оставляют открытой. Такую задвижку, если за неё взять двумя пальцами и сильно потянуть, можно загнать до упора в дырку, и тогда у них со двора хоть таран выкатывай. А если наскоро кинуть — два сантиметра и держится для виду. Всё на этих двух сантиметрах. Я знала человека, который делал эту дверь. И я своё знание целиком отдала Паше.

Сквозь перегородку слышно было, как Нинина мать дышит с присвистом. В четвёртый раз подряд тихий свисток срывался, и она начинала заново, не просыпаясь.

— Ты могла бы в четверг сказать ему, что защёлка хорошая?

— Могла.

— А зачем рассказала только теперь?

— А ты мне про то, что уйти хотела, зачем сказала?

— Чтобы не стать вдруг святой за один вечер.

Нина отпустила платок и сложила его пополам, поднесла к свету в дырочку ветхий край. Рита стояла у неё за левым плечом. Нинины руки умели так выворотить ткань, что ни одного бугра не оставалось на сильно изношенной вещи. Рита это любила в чужом мастерстве, даже если на сердце у человека горело и не до иголки было. Ей было к кому теперь прийти расправлять собственные кочерги из согнутых пальцев.

— Лариса, — вдруг сказала мать от стены. — Женщину, что с ним приходила, Лариса звали. Видишь, ещё помню.

Нина заслонила Риту и подошла к кровати.

— До перелома, мам? А приходила к тебе с Гришей или одна, помнишь?

— Ещё позапрошлой весной, в слякоть. Я тогда ещё на работу сама ходила. Она мне пару мотков принесла. Всё хотела выменять синий на такой же синий, чтобы шов не выделялся.

— Мама, кто приходил? Она с Гришей приходила?

— Одну женщину помню, другую не помню. У вас же всегда, если надо, всё точно помнится. Мне на работу носили, а не на дом. Ребёнок мой, работу мне носили! Что ж я каждую заказчицу теперь припомню? Самой тебе приятно?

Она отвернулась и стала заново укладывать руки поперёк подушки. Ещё минуту назад этого имени в комнате не было, теперь оно было. Доказать, что память старой женщины верна, в эту минуту было невозможно. Но Рита подумала о девушке в порванных чулках и о том, чему вообще можно верить от человека, способного приносить любимой тёще жжёный сахар, разведённый водой, а жене врать, что полез на яму с гаечным ключом.

Они вышли в прихожую, где стояла гладкая кирпичная подставка под трости. Рита надела пальто. Из комнаты Нины показался под кроватью угол дорожной сумки, набитой до отказа. Нина увидела, что она его видит, и ничего не сделала: не задвинула сумку, не объяснила, почему она оказалась у матери. Завязала узел на поясе Ритиной чёрной кофты, которую носила под курткой, и сунула изорванную петлю за отворот.

— Теперь будем ходить по чёрным ходам. Пожалуй, вся сегодняшняя одежда у тебя мне в долг.

— Я ещё не выставляла счёт.

— Не забудь, — сказала Нина. — Вдруг истечёт срок, забудете, на какую-то туфлю ты у меня поручалась.

***

Когда они пришли к магазину, там уже не было милицейских машин. На ступеньках две женщины постелили газету, время от времени с неё подбирали и швыряли в открытый кузов грузовичка обгорелые с одного края деревянные рейки. Их не жгли в магазине: у того на первом этаже стоял вполне живой фасад, красилась в зелёный цвет металлическая решётка, и только на стекле изнутри была наклеена полоска белой бумаги. Издали читалась жирная косая буква «З» в слове «Закрыто», с другой стороны та же буква выглядела крупной тройкой.

Нину пропустили на ступеньки, как пропускают во двор человека с маленьким ребёнком — совершают вежливое движение чуть раньше, чем понадобится, чтобы не дать ему попросить. Её узнал один мужчина, грузивший в дальний конец кузова выщербленную керамическую раковину. Это был Валера Малыгин, которого Рита один раз видела в их с Пашей гараже совсем в другой одежде. Гараж у них был не личный, как многие думали, а общий, сразу на семь владельцев ям с кирпичными перегородками; Рита никогда не называла его в доме «наша мастерская», потому что своей у неё была одна, вот та, с кожей и клеем. Очень скоро она удивится тому, как легко предложено было ей не замечать разницы между гаражом, в котором хранили их машину, и работой, на которую ездил Паша.

Валера весил много, хотя сверху этого не скажешь. Стоило ему стать ногой на дощатый борт, грузовичок оседал, и женщины снизу поднимали головы.

— Нин! — сказал он как мальчик с высокой ветки. — Ты меня видишь? Я к вам сейчас поеду.

— И без твоей поездки обойдёмся.

— А куда девать это? — Он кивнул на раковину.

— Мне её в голову положи, Валер. В рот уже ничего не лезет. Ты видел, кто вчера стрельнул?

Валера подхватил раковину. Под ребром возле сливного отверстия остался ржавый след. Грузили хлам из квартиры над магазином, и Валере очень хотелось, чтобы ему дали ещё одну тяжёлую вещь и оставили в покое.

— Я Гришу в последний раз видел у внутренней двери. За ним мерещился ещё кто-то. А передо мной этот старик… — Валера крепче прижал раковину.

— Какой старик?

— Если бы не тот, что в туфлях тогда пришёл. Стоял на проходе и секунды считал. Сапожник ваш. Кто бы что видел! Я его за плечи вынес оттуда, чтобы дышал. Стекло уже у него в пиджаке было.

— Семён говорит, случайно подошёл, уже после выстрела. Как же ты его успел оттуда вывести? — спросила Рита.

— Ну я же не говорю, что только он один. Мне по башке стукнули, у меня до утра звенело. Пашка хороший — он последнее отдаст, если ты ему сердиться не разрешишь. К нему иди, не ко мне. И пусть не говорит, что дальнюю дверь сам закрывал. Пашка из машины выскочил уже после. Коленями в стекло встал. Видела его штаны?

Он соскочил с борта, сильно припадая на пятку, и пошёл к кабине грузовичка. Две женщины взяли пустую газету, сложили в четыре раза и унесли. Нина стояла на ступеньках. Через стекло можно было разглядеть, что на прилавке остался стоять открытый термос в чехле коричневого цвета, а в проходе у самой стены валялось жёлтое маленькое колёсико от тумбочки. Нина вглядывалась дальше, но в глубине стекло темнело, и там она видела только собственное отражение.

На внешней двери была бумажка с квадратной печатью, и кто-то со двора пытался просунуть сквозь трещину под порогом пучок жёлтых ромашек с коротко подрезанными стеблями. Нина наклонилась, чтобы разглядеть. Бумага от цветов потемнела и свалялась, плотно закрыв щель. К Грише эти ромашки никогда уже не попали бы. Лишь мешали ему выйти, как вчера.

Рита осторожно собрала их, подошла к железной трубе, приваренной к перилам, и опустила стеблями вниз. Кто-то мог подумать, будто именно здесь и застрелили человека. Ей это пришло в голову, но она оставила их стоять.

Глава 6. Пуговица с прорезью

В воскресенье утром Нина проливала из маленького чайника воду матери на руки. Та намыливала пальцы до скрипа, каждый в отдельности. Если бы могла отдельно вымыть волосинки на тыльной стороне ладони, она бы и это проделала. В детстве Нину злила материнская опрятность, из-за которой длилась вечность между прозвучавшим «сейчас» и по-настоящему наступившим утром, когда они отправлялись за обещанным пломбиром или в кино. Но вчера Нина запомнила белую влажную полоску каши под её нижней губой и испугалась гораздо сильнее, чем когда увидела на бумаге слова Григорий Петрович Раков.

— Эта у тебя новенькая? — спросила мать, трогая петлю у неё на кофте. Рита на ночь забирала кофту к себе и утром принесла починенной.

— Чужая. На завтра возьму своё платье. Тебя привезём.

— На кладбище земля в кочках. Я хотела у него дома посидеть после. Но в землю его опускать будут один раз. Найди мне кресло, Нин. Если ухватиться стоя, я съеду на этих деревяшках, мальчики сильные меня подмышки возьмут, полечу. Пальто посмотри.

На вешалке висело зелёное, от старости запахнувшееся в другую сторону, чем было сшито. Мама долго носила его во второй половине жизни, когда красота ей перестала давать какие-нибудь скидки, а цены и на здоровенную, сумеющую сделать любую работу женщину начали падать. Застёгивалось пальто криво. Пуговицы свои, а петли перепутаны. В карманах были мелкие ледяные конфетки, совершенно несъедобные, в темноте шкафа они так пересохли, что глазурь осыпалась на подкладку.

— Я на завтра всё выложу. Всё, что нужно.

— У меня в карманах половина города. Не дай ни одному прохожему помереть с голоду.

Нине нравилось слушать, как мать способна на ходу преобразить старые свои злосчастные леденцы в общечеловеческое достояние. В прошлом году у её матери умерла подруга, медсестра из родильного отделения, редкая сквернословица; они договорились, что какая из них переживёт другую, та выругается над гробом за обеих. Чтобы хоть кто-то выразился по совести. Но женщины давно не виделись, умерла она далеко, в другом городе, и об этой последней воле, может быть, стоило только разок напомнить уже самой матери, чтобы она напряглась, как тогда, и приподняла лицо.

— Ихний тот, из прокуратуры, дал тебе на Гришу поглядеть? — спросила мать.

— Кто это тебе велел спрашивать?

— Ты же голову всегда влево клонишь, если не до конца что тебе надо сказали. Дали?

— Видела. Два раза. Ты меня на экзамен только не бери. Это я помню.

В пятницу, после звонка Тимофея, сосед отвёз Нину к магазину. Гришу уже вынесли из тамбура, накрыли. Врач приподняла край простыни, когда Нина сказала, что она жена. А в субботу Нина ещё раз увидела его, в морге. Не эту ли разницу и старалась ей объяснить мать: человека сперва узнаёшь, а только после видишь. Во рту у Гриши чуть заметно блестели коронки. При жизни он улыбался на одну сторону. Теперь нечему было угадать улыбку.

— Хватит, — сказала мать. — Я перестала тебя мучить, теперь твоя очередь. У Горочкиных под кроватью должна быть резиновая грелка, красная, им давали твоему деду. Возьми. Сиденье в машине холодное.

Телефон зазвонил в другой комнате. Мать перестала тереть руки и приказала назвать себя хозяйкой квартиры, никто не имеет права требовать её к телефону с постели или подходить в отделение за телеграммой. Нина положила полотенце на поручень и сняла трубку.

— Из прокуратуры беспокоят. Следователь Крыльцов. Нина Борисовна?

— Да, это я. Вам дежурный мамин номер дал?

— Он мне его и передал. Вчера по вашему домашнему не дозвонился, а сегодня со мной Зарубин связался. Можно вас пригласить? У вас завтра похороны. Получится сегодня, в первой половине дня?

— Он меня защищает сейчас или жалуется?

— Кто?

— Муж знакомой.

— Я хотел бы от вас самой услышать про пятницу. Адрес запишете?

Нина записала на бумажке с рецептом жжёного сахара адрес и фамилию. Голос у следователя оказался низкий, слегка шершавый, но на слове «запишете» он легко и как будто сам собой становился вежливее. Человек хотел поговорить с ней как можно скорее и при этом мог дождаться, пока она уложит мать и перенесёт ей другой телефон поближе, чтобы было ночью до него рукой подать.

Рита пришла за ней в такой мелкий дождь, что пальто оставалось сухим с десяти шагов, а на сороковом само тело промокало до дрожи. На этот раз она держала в руках два пакета с тряпками. Внутри, по её словам, были «те вещи, из которых хочется сделать человека».

— Это ещё что, Рит?

— Нашла у сестры халат для твоей мамы. На рукавах пуговки от плеча до самого локтя. Помыть руку захочет — всё остальное снимать не придётся.

Они надели халат на мать. Плечи легли ровно. Мать сама расстегнула левый рукав, высвободила руку. Повторила ещё раз. После болезни едва не всё, что с ней полагалось делать, делали другие. Она вдруг ущипнула Риту за щёку своими жёсткими пальцами и, когда они уходили, сунула Нине последнюю конфету.

На улице стояла Гришина зелёная машина с запотевшими окнами. Между окнами, как между мутными пластинами стекла в старинном детском проекторе, плавало расплывшееся пятно света от уличной лампы, которую днём забывали загасить. Нина села первый раз так, чтобы всё сделать по правилам, в сухих шнурованных полуботинках и с застёгнутым ремнём. Сдала назад. Остановилась на довольно широком месте, где не нужно было отсчитывать полдверцы. Вышла и попросила Риту подвинуть сиденье.

— Сиди рядом, Рит. Мне сегодня что-то неспокойно.

Рита села рядом и потеснила ногами пакет с материнской старой кофтой.

***

Крыльцов вытер край стола, прежде чем усадить её. Разносчик еды положил туда миску с кашей и армейскую походную ложку; следователь с порога сказал, что только сдал своё дежурство и пока никто его по-настоящему не отпускает, он обедает где придётся. Нине знакомо было это выражение, «где придётся», относившееся всего лишь к одному постоянно занимаемому месту работы. Он не стал убеждать её, что всё будет хорошо или что надо быть сильной. Закрыл миску блюдцем и схватил свой карандаш.

— Стоял у прилавка в чужом пальто? — спросил он.

— Извините, я не поняла. Вы спрашиваете, стоял ли?

— Про пальто.

— Я при выстреле не присутствовала. Уйдёт от тебя человек в одном, вернётся в другом. А потом ещё будут спрашивать, зачем давала. Он ушёл в синем свитере, ворот тонкий, железным треугольником застёгивается. Вы мне показывали вчера чёрный рукав от пальто. Мне не похож.

— Отчего?

— У Гришиного левый обшлаг потёртый. Я его сама чинила, нитка светлее. А на том обшлаге моей нитки нет. Наше пальто дома висит, хотите, покажу.

— Одежду вам в руки давали?

— На нём пальто не было, когда я его видела. Вы на столе его показывали, держали за одним пальцем. Рядом перчатки лежали, сказали, не его. Фотографию потом.

Крыльцов отодвинул блюдце. Каша тоже больше не дымилась. На лестнице кто-то двинул стул. Нина никогда не была в этом доме и представить бы не могла, что здесь тоже сушат шерстяные носки на дверцах шкафов, обивку последнего стула чинят похожей на старую краской, а на углу столешницы, вместо того чтобы приколачивать новую накладку, кто-то по сто раз в день наводит блеск локтём.

— Вы тогда с другим человеком говорили, — сказал Крыльцов.

Она поняла не сразу.

— В морге дежурил мой товарищ, — добавил он. — Мне сказали, что женщина отличила пальто. Я спросил вас специально, чтобы свою сегодняшнюю кашу не приходилось потом есть со вчерашними чужими словами. Вы различаете своё пальто по рукаву. А кто это пальто носил, не знаете.

— Вы, наверное, и туда, в фотографию, хотели бы отправить меня. Чтобы я сама к ней пришла?

Он подумал и кивнул.

— Вы сказали, он ушёл по личному делу. А в магазин с ним вошли ещё двое. На улицу вдвоём и выскочили, а вашего мужа нашли у внутренней двери. Я вас потому и позвал: приносил вам кто-нибудь в пятницу что-то от Григория?

— Вы про деньги хотите спросить?

— Меня интересует, что вы сами видели. Если чего-то не знаете, так и скажите.

Нина поглядела на блюдце. Хотелось сказать ему: да ешьте вы, пожалуйста. Время с той пятницы почему-то шло у всех, кроме неё.

— В пятницу утром муж дал мне деньги. Вечером ещё принесла жена водителя, с которым он уехал. Она сейчас ждёт в коридоре. Обе пачки я пересчитала. Во второй было столько же, сколько в первой. А из магазина они или нет, я не знаю.

— Я вас спросил, что вы сами видели.

— Как Гриша клал деньги в хлебницу, видела. Как выручку в магазине делили, — нет. Если хотите, я вам до вечера могу рассказывать, что, по-моему, там произошло. А лучше пальто покажите. Выясню хотя бы, во что он оделся. Ушёл ведь в синем свитере.

— Понятно. Тогда посмотрите, узнаете ли что-нибудь из карманов.

Нина собиралась ответить ему, что покойников своих она по карманам и в мирной жизни не обыскивает. Обнаружила себя уже с вытянутой рукой. Но в руку ей ничего не дали. Мужчина достал из папки фотографии, положил перед ней в разворот, так что рассматривать получалось только под прямым углом. На одном снимке рядом с линейкой лежали брелок с тремя железными шарами и пластмассовая расчёска без двух зубьев. На другом, вытянутом по краям, была крупная пуговица с двумя неправильными прорезями, пробитыми так близко одна к другой, что если бы пришить её изнутри, нить в два слоя скоро перетёрлась бы от угла.

Она знала такую.

Дома у Гриши в ящике лежали три металлических обрезка в промасленной бумаге. Один плоский, с такими же тесными дырочками. Нина чуть не села на него в машине, когда училась у того подъезда. Гриша успел вытащить железку и швырнул к магнитоле.

— У мужа был такой образец, — сказала она. — Но я могу отличить, по-моему, если подержать. Скажите, где вы его взяли.

— Сначала скажите, по чему узнали.

— Мне ничего не кажется. Я вижу вещь с двумя дурными отверстиями. Мой муж возился с похожими у себя в ящике, в машине. Бывали у человека и другие обязанности, кроме как клянчить у меня на пиво.

Ей не дали ничего в руки. Спросили, что ей известно про людей, которые приходят за запчастями в субботу и которых её муж называл при ней. Она ответила, что знает Валеру Малыгина и взрослого работящего парня с ласковой улыбкой, отчего тот стеснялся улыбаться. Фамилию парня знала лишь от Гриши: Плоткин, даже не Плотников, как полагается в её знакомых. Она никогда не задумывалась над тем, чем были заняты люди с такой настойчивой способностью часами сидеть около чужого автомобиля и приходить к ночи под свет на их кухню, чтобы за пятнадцать минут слопать три порции картофельного супа. «Своё дело есть», — говорил Паша, и на этом кончалось.

Пока Крыльцов записывал, Нина зачеркнула одну фразу уже в приготовленном для неё листе: «Ранее обнаруживала такие же детали». Не такие же. Похожие. Не обнаружила, а раз чуть не села. Вот это по крайней мере было её собственным знанием. Крыльцов положил ей на исправление чистую линейку и отошёл к окну, чтобы не смотреть через плечо на чужую руку.

В коридоре Рита сидела рядом с невысоким полным мужчиной, у которого синие глаза казались гораздо ярче его самого. Она не узнала его, Нина узнала сразу. Тимофей Плоткин однажды принёс в их дом целый ящик апельсинов, не спросив, сколько в квартире людей. Нина на спор съела четыре штуки подряд, и Тимофей и правда проиграл ей спор. Снял часы и отдал за четвёртый апельсин. Часы, спешившие как раз на четыре минуты в сутки, до поры хранились у неё дома в коробочке с оконными гвоздиками.

— Мои девочки, — сказал Плоткин, не то шутя, не то всерьёз. — Узнали друг про друга то, чего я не узнал? Ну как, Нин?

И похлопал по тёплой ещё полоске скамейки у себя слева. Места там было как раз на один рукав.

— Мы не твои.

Нина села на неё всё равно. Дерево было нагрето телом человека, который пришёл раньше них и, возможно, сидел здесь же и вчера. Над его коротким ногтем на среднем пальце появилась лиловая черта, как если бы кто-то штрихом нарисовал ещё один загнутый ноготь на живой коже. Лицо у него было совсем измученным.

— Ты мне позвонил в пятницу? — спросила Нина.

— Да.

— Почему сказал, что он умер? У него врач стоял?

— Женщина из скорой. Больше никто не стоял. Решил, если сама услышишь, что люди в аппарат дышат, поверишь.

— А сам стоял? Валера и Паша говорят, не видели, кто стрелял. Ты был там, где издалека не приходилось смотреть. Тебя видели внутри.

Тимофей прикрыл глаза. Потрогал свою руку с тёмной чертой, обвязал раненый палец совершенно чистым платком. От его умения мирно дождаться, пока надоест другому скручивать обстоятельства в удавку, ей в ту минуту хотелось заорать во всю мощь коридора.

— Видел я, Нин, как он уже сидел внизу, — сказал Тимофей. — А кто в этот момент сверху был, кто где ноги нёс, я не видел, не успел. Я отсюда не уйду, пока тебе люди на все вопросы не ответят. Женя там с ребёнком сидит у горячей батареи. Ей самой денег на жизнь не досталось. Я тут пока с вами.

— Кто такая Женя?

— Женщина с ребёнком, здесь ждала у батареи. Я её домой отвозил. Слушай, Нин, не за тем я тебе звонил, чтобы ты теперь расписку с меня брала, скорблю я по мужу или нет. Я его ещё до тебя знал.

Его позвали. Он встал, пристроил свёрнутый платок к тёмной царапине и пошёл, опустив руки по швам, как будто к директору школы. Нина глядела только на верх его куртки. Бежевая, на пуговицах, под самое горло. Ничего общего с чёрным пальто взрослого мужчины у него на плечах не было, разве что и в той куртке чужой человек со спины мог бы показаться знакомым.

Глава 7. Пятая ручка

Рита пришла к Нине раньше времени и обнаружила на кухне пятерых женщин, способных подняться одновременно с табуреток, не задев ни одной ноги. Они встали, когда она вошла, и так же бесшумно сели. Над каждой колыхалось что-то лёгкое, траурное — чёрный тюль, креп, крашеная марля, а у самой пожилой почти прозрачный обрывок старого трикотажа. Нина сменила вчерашнюю строгую кофту. В узорчатом платье с длинным рукавом, на подоле с одной стороны шёл крошечный голубой колокольчик. Она расправляла платье, сидя на подоконнике спиной к окну, чтобы никто дальше порога не видел её голых ног.

— Не прячься, — велела женщина в трикотаже. — У нас тут почище тебя покойников возили!

— Я пока не усвоила, для чего именно приехала я, — сказала Нина. — А чего хотели от меня? Ну что? Все мехи горой, все люди пьяные, сейчас будет шарманщик. Это же не праздник.

Рита видела, что Нина моложе их лет на двадцать и готова ещё какое-то время сопротивляться, пока не тронут голубой колокольчик. В этих немолодых женщинах таилась возможность беспардонно пришить ей сверху на него лоскут, а в ней самой таилась готовность крикнуть хоть на всю квартиру, задирать на них подол и выходить так на улицу, если они об этом попросят.

— Кто к нам за матерью поедет? — спросила Рита.

Женщины из членов совета сразу стали специалистами, каждая со своим ремеслом. Одна отвечала за коляску, другая знала, как накрыть клеёнку простынёю, третья хранила телефон человека, у которого можно на полдня взять широкую коляску. Никто не был согласен отдать им свою машину. На Гришиной перевезли бы кресло с колёсами, да как заползти на низкое место больному человеку? Пашина ничем не выше. Нина показала, что собирается опять заправлять волосы за ухо, хотя у неё не было больше волос такой длины.

— Отец Дениски работает на развозке мебели, — сказала Рита. — У него в кузове могут сесть силачи и без кресла. Он знает, как ремни устанавливать. Там скользко, но мы не кресло с мамой покатим, а кресло отдельно и маму отдельно. Она будет с нами в легковой, у самого дома её с той стороны возьмут. Нин, ты пока езжай. У кого можно ремни на пару часов взять?

Ремни нашлись у Люды, мягкая ватная поддёвка — у Нади. Пока проверяли пряжки, женщины всё возвращались к одному: Гришина мать из Смоленска к похоронам не успеет. Старшая дочь не решилась везти её с больным сердцем. Рита разыскала среди белёсых чулок тёмные без спуска и положила Нине на колени. Та взяла их и впервые позволила женщинам распоряжаться дальше самим.

***

Гриша унаследовал от отца широкий лоб, и сейчас, когда гроб приподнимали, Рита вспомнила Ракова-старшего. Двоюродные племянники покойного, Киря и Володя, взялись в ногах. У изголовья пошли Валера с Тимофеем. Паше досталась пятая ручка, посредине. Стоило передним или задним поднять гроб чуть выше, и ему приходилось менять шаг. Он всё смотрел под ноги, как бы не наступить на чужую пятку.

Нинину мать привезли следом в машине за автобусом. Надели на неё перчатки с обрезанными пальцами. Когда гроб понесли мимо кресла, она потянулась поправить Грише покрывало. Не достала. Нина наклонилась, и мать спросила у самого её уха:

— В туфлях его положили? В его собственных?

— В туфлях, — ответила Нина.

Нина несла складной стул. Гришин отец сам собрал его из деревянных планок. Одну, треснувшую вдоль, перехватили платком. Ей хотелось дать маме посидеть у гроба так, чтобы от верхней спинки кресла не пришлось задирать голову.

Рита шла с Семёном. Из-под манжеты у него торчал угол белого полотняного мешочка. Обычно в такие мешочки сыпали сушёную гвоздику и клали на ночь в сырые сапоги. Странно было смотреть, как он и на кладбище бережёт мешочек, придерживает ладонью на поворотах.

Пока они шли, Семён согрел пальцами свою левую руку, и Рита увидела на манжете мелкую штопку. Когда хвалят штопку, говорят, что она невидимая. Эту было видно, но она шла в точности по рисунку. Кто-то делал её не чтобы скрыть бедность владельца, а чтобы оставить ему радость от сохранённой полезной вещи.

— В субботу туфли Сивову отдала? — спросил он.

— Льву Матвеевичу? Не заходил. Откуда у него заказ на туфли? Он всегда ботинки носит.

— Ничего. Он подойдёт. Я мастерскую тебе не отдам сейчас.

— Мы у гроба.

— Я знаю. Раньше ты меня спросила, я не мог ответить. Сейчас могу.

Она не стала требовать ни объяснения, ни нового мнения про то, какой она смысл вкладывает в работу. Тот, кто полгода ей обещал сдать своё место и называл её практически хозяйкой, теперь имел полную возможность воспользоваться случаем, чтобы вернуть себе возможность ещё лет десять после положенного возраста жить одним и тем же способом. Она пришла бы к нему снова, и он где-нибудь у их общего окна или на лестнице просил бы прощения. Десять лет назад, двенадцать лет, года три назад это было бы ей даже приятно. Теперь нельзя было выбрасывать лишние десять лет.

— Тогда с завтрашнего дня заработок каждый по своим квитанциям, а за место я тебе плачу. Наличные руки не трогают.

— Я не согласился.

— Но ведь тебя самого тогда не будет обычные четыре дня в неделю. Работу ты будешь делать в оставшиеся три. Вот и выбирай — мы стоим по соседству или ты со мной расстаёшься. Будь человеком, реши перед мёртвым своим приятелем без фокусов. Он теперь себе совсем не может никакого способа выбрать.

У могилы трое копавших положили на глину доску с белой щетиной на сломанном конце. Кресло везли по ней, чтобы колёса не вязли. Пока коляску подводили, Семён ответил:

— Пока по-твоему. Но на вывеске ничего не пиши, дай мне это допилить.

Нина раскрыла складной стул. Мать охнула, когда её пересаживали, и тут же взяла дочь под локоть. Женщины, с утра знавшие всё на свете, разом притихли. Сделалось слышно, как Паша тихо чертыхается: нитка его рукава цеплялась за острый край ручки.

— Ножик в кармане у меня, дать? — сказал Тимофей возле самого его лица.

Паша дёрнул рукой, нитка лопнула. Рита увидела на ладони кровавую каплю. Он слизнул её, глядя на стоящего напротив Тимофея. Нож тот так и не вынул.

Напоследок Нина вынула из кармана шёлковый платок и положила Грише под рукав пиджака, чтобы при опускании не выпал. Пиджак он надевал всего два раза — на свою свадьбу и на свадьбу сестры.

— Давайте, — сказала она могильщикам.

Она ушла от могилы первой. Сзади женщины затянули пение, которого ни одна толком не знала. Мать пересадили обратно в кресло. Нина подобрала складной стул и у крана обнаружила, что он разъехался в сочленении. Паша догнал её, достал монетку и рубчиком подтянул ослабший винт.

— Надолго ли? — спросила Нина.

— Долго сидеть на нём никто не будет. Не оставляй переносить за одну сторону, нагрузка на обе дощечки идёт.

Взял её за локоть, глянул на Риту и криво усмехнулся.

— Кто тебя встретит на поминках, Нин? Мы с женой можем сразу остаться, если некому посуду помыть, не будешь ты сама за всех теперь по гроб жизни печалиться.

— Я уже помянула. Мать к дому отвези, а я сама доберусь. И жену тебе не поручаю. Она сама разберётся.

— Ты же на машине.

— Я не пьяная. Матери нужно обедать. К четырём я её заберу.

— Из чьего дома ты её заберёшь, если пустой будет твой дом?

— Из того, где она сегодня прощается. Мой — стоял и будет стоять. Можешь туда сходить без меня.

Паша кивнул. Взял отремонтированный стул под мышку и пошёл предупредить водителя, что сейчас подвезут мать. Нина подхватила шерстяную шаль и догнала Семёна. Он не поспешил дальше, увидев её. Дождался около крана, дав старой воде стечь в мокрую листву у ног.

— Куда вы эти пакетики носите? — спросила она.

Он разжал два пальца и вынул ещё не открытый узелок из-под складки куртки. Дома, видимо, он продел через подкладку петлю, удерживающую заострённый конец мешочка, иначе узелок давно бы выпал, пока они пробирались к могиле с креслом.

— От его машины запасной ключ. Гриша отдал мне на всякий случай. Вам пригодится.

— Я второй связки не видела.

— На том, которым заводишь, первый зубец чуть подрезан. Это он дубликат напильником подгонял. А тут заводской.

— Я вас вызываю поговорить, — сказала Нина. — Настоящим голосом. Про то, чью вы смерть тогда у кассы видели.

Семён связку не отдал. Он стоял, поднявшись на носки, и узкими жадными глазами глядел за спину вдовы. Рита везла Нинину мать в кресле, обеими руками налегая на ручки. У глубокой колеи двое носильщиков в чёрном взялись с боков за раму, приподняли передние колёса, и Рита выкатила кресло на твёрдое.

— Кто позвонил тебе в тот вечер? — спросил он.

— Тимофей позвонил. Только уже никого к живому не звал. А я хочу узнать, разве не мог раньше? Не нужно мне никаких загадок, Семён Андреевич. Матери холодно. К четырём я обещала её забрать. Либо говорите, либо я ухожу.

— Пойдём.

Семён зашагал через тихие сосны к выходу, мимо грузовичка с пустым местом для коляски. Носильщики передали кресло Паше у машины. Он прислонил складной стул к борту грузовичка и помог матери пересесть. Рита догнала Нину с Семёном. За помятой дверцей зелёной машины на освободившейся земле торчали два бумажных стаканчика, разомлевших от сладкого чая. Поминальной рюмки, которую приготовили и два раза передавали Нине из одних чужих рук в другие, она не взяла по той простой причине, что намеревалась дальше ехать.

— Нин, я, пожалуй, тоже, — сказала Рита.

— Чем заплатишь?

— Ничем. Давно не бывала с тобой на воле.

Они сели в машину. Семён вынул маленькую белую петлю из-под обшлага, потянул за неё, развязал узелок. В нём лежали два потемневших ключа, один автомобильный с коричневой ручкой, а другой большой, к которому трудно было подобрать настоящее место в современной машине. Нинина машина, тихо слева дымившая, была способна пройти ещё много километров. Семён взялся за большой ключ, а автомобильный положил вдове на колени.

— Этот мой, — сказал он о большом. — Нужно одну дверь отпереть. Налеем себе после, если очень захочется. Есть хороший гараж за мастерской твоего, Рита, супруга. Вот туда сперва поверни.

Глава 8. Обратная сторона ворот

За воротами кто-то скрёб жесть. Нина осталась у машины поправить наружное зеркало, а Рита первой сунулась в темноту. Ей в волосы ударила птица, хлопнула у щеки крылом. Рита вскрикнула, махнула рукой. Птица повисла на миг у неё на воротнике и слетела.

Семён закрыл обе створки ворот, оставив открытой калитку. Птица цокнула по жести дважды и ушла через щель к свету.

— Ласточка, — сказал он. — Или голубь.

— Может оказаться, что даже лошадь. Хорошо ты у нас управляешься с птицами.

Рита ощупала затылок. Семён вытащил лёгкое перо и хотел пригладить ей волосы, как в детстве. Она отняла голову. В гараже пахло резиной, горелой изоляцией и забродившими яблоками. На шкафчике стояла банка с падалицей. По стеклу изнутри ползала оса.

— Я раньше с вами сюда заезжала, — сказала она. — Вроде у вашего зелёные ворота были, а за ними ставил кто шилом крест за крестом на внутренней двери. Не тут?

— Да тут сто лет все ворота зелёные. В вашем ряду семь хозяев, хоть у каждого спрашивай. Вылезай, хозяйка! — окликнул он Нину.

Нина подошла и сразу увидела больше, чем Рита за полминуты своего одинокого обнюхивания. На стальном листе, которым накрыли смотровую яму, в одном углу уцелел переводной слон с длинными ресницами и ухом в виде цифры семь.

— Этого я ему в больницу принесла. Наклеила на спинку кровати, когда он отвернулся. Ругался: полная палата взрослых людей, а у меня слон. А сам снял перед выпиской, унёс с собой.

— Давно в больнице лежал? — спросил Семён.

— Ещё когда женаты не были.

Нина осторожно подошла и провела пальцем слонику по вытянутому красному хоботу; почувствовала, как истёрлась от ног краска. Этот угол, из которого открывался путь в нижнюю яму, давно толкали рукой и ногой, как придётся. Слона, приклеенного однажды не на месте, никто после дела уже не снимал. Рита подумала, что из посмертных памятников это было, пожалуй, самое лучшее, что можно устроить: не сервиз в серванте, а цветная вещь на железном листе, который даже обутым не сразу сдвинешь.

— Тут они двигатели чинили, — сказал Семён. — И неплохо. На соседей спрос был. Гляньте хоть раз сами, чем они на самом деле занимались.

Он не хотел выдавать, зачем привёл. Нина стояла у смотровой ямы, растянув обеими руками шарф. Мимо два раза прошёл человек, чинивший где-то сбоку что-то горячее. От него полыхало багряным отражением горелки, но ни провода, ни искр не было видно.

— Семён Андреевич, — сказала Нина. — У меня мать ехала за гробом по таким колдобинам, что у неё в больном бедре каждый раз должно было гудеть. Ей, может, осталось месяца три или год. Я теперь за одну мысль о том, что меня возьмут за руку и поведут куда-то дальше удивлять, могу попросту дать по шее. Зачем вы меня привели?

Он сунул ей ключ. Ключ от ворот, что лежал у него в руке, был ещё тёплый с улицы.

— Найди, что ему здесь было делать.

— Он что, кинул у тебя тут дрель на пол и ушёл? На ней написано, что он собирался делать завтра вечером?

— Ещё раз, Нин. Вы спрашивали, зачем я к дверям магазина подходил. Потому что он мне сам сказал, что я там получу вещь моего сына. Не получил. Вон сейчас, говорю тебе, пойдём вместе в его прежнюю работу, поглядим, стоит ли там что-нибудь такое, что можно узнать. Я вам дверь открыл. Больше никому. Раньше у меня ключа не было.

Это было сказано каждому отдельно, Рите в том числе. Не было у него ключа, стало быть, до смерти одного из приятелей, до сегодняшнего дня? Не спросила. Раньше он говорил, что увидел, как у девушки порваны чулки, когда помогли ему воды напиться. Теперь стоял на пороге Гришиной работы и рассказывал, что приехал в пятницу для разговора совсем не случайного.

Они с Ниной разошлись вдоль стен. С левой были на консолях развешаны инструменты, кое-где их обвели мелом, чтобы во всякий момент работы знать, у кого чего не хватает. С правой на ручках буравов ещё сохранились привязанные шпагатом этикетки: «к соседу», «д на 13», «не брать если я не дам». Опечаток, от которых у Риты два месяца назад сводило челюсти на витрине, здесь как будто не существовало. Люди писали так, чтобы им было понятно. Умудрилась же она, обладая таким редким во времена скудных зарплат и курточек семейным имуществом, как умеющие работать руки, прожить до субботы, не поняв, что точно такое же имущество могло быть у человека, которого она привыкла видеть с сигаретой на водительском месте.

В дальнем углу стоял ящик с продавленной крышкой. Внутри стопками лежали картонки с отпечатками протекторов. На иных чётко отпечаталась ёлочка, на других шла поперечная полоса, вытертая по одному краю. Такой край Рита узнала бы из десятка похожих. Туфли заначивают так же, как покрышки.

На верхней картонке стояли две буквы, число и месяц. Угол был оторван, потом приложен обратно. Под нею нашлись такие же картонки, но без углов. В мастерской Семён по молодости выдавал так квитанции на дорогую обувку: рвал карточку пополам и оставлял у себя половинку. Потом складывал с той, что приносил заказчик. Две бумажки по линии разрыва всегда сходятся только раз.

— Вы ремонтировали колёса? — спросила она.

— А я, может, здесь по ночам пел и бил бутылки о стену! Ты видишь слова «плата за ремонт»? — сказал Семён.

Она сложила листок, достала следующий. Под ним лежал целый паспорт автомобиля; отрезанный наискосок угол от горловины большой сахарной пачки с косой синей буквой; а ниже — связанная чёрной катушечной ниткой серия газетных объявлений. Часть с просьбой вернуть считавшиеся чужими машины за вознаграждение. Даты мягким карандашом стояли рядом с каждым. Под частью её собственного объявления о мартовской пропаже Пашиной белой машины, обнаруженной через три дня у бань с открытыми окошками, лежал короткий расчёт. Подбирали сумму, начиная с четырёхсот тысяч, двигались вниз пока не составили долю в сто двадцать пять. Сто двадцать пять брала Рита взаймы у сестры в марте, чтобы Паша сумел расплатиться за ремонт, потребовавшийся будто бы после угона. Отдавали частями до лета.

Она ничего не спрятала. Выпрямилась и подула на грязные пальцы. Денег теперь не прибавилось бы, если показать эту находку сестре и сказать, куда пошли сто двадцать пять. Но число улеглось внутри с верным, отвратительным щелчком — как входила в косяк стальная пружина задней двери магазина. Паша не впервые использовал её руки и её деньги, чтобы что-то тут аккуратно сошлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.